

В тесном полукольце рук Сатору пахло свежестью. Сугуру так отчаянно нервничал, что не сразу разобрал этот аромат геля для душа, ворвавшийся в его личные границы. Прохладная вербена? Или сладковатый цитрус с лепестками роз? Запах смешивался с чистым паром от их влажной после купания кожи, напоминая о летнем разнотравье на склоне горного ущелья.

За окном хмурилось небо, предвещая скорую грозу. Влажный сквозняк, сочившийся сквозь приоткрытую створку, смешивал запахи, сгущая повисшее на балконе напряжение.

Сугуру отчаянно цеплялся за остатки самообладания. Он сосредоточился на тонких оттенках аромата, упорно избегая смотреть Сатору в глаза. Тот стоял без очков, а его взгляд всегда напоминал Сугуру о слепящей синеве летнего неба или о бездонном океане. Посмотришь — и пропал. Сугуру и так уже тонул в своих чувствах, боясь, что в этой хрустальной глубине Сатору прочтет его душу. Но тот вдруг подался вперед, ловя его взгляд, и шумно втянул носом воздух у самого уха.

— От тебя так сладко пахнет, Сугуру. Розой?

Оказывается, Сатору занимался ровно тем же. Они сейчас походили на двух настороженных пушистых зверьков.

— А... — Сугуру растерянно моргнул. До него только сейчас дошло, что тонкий цветочный аромат исходил от него самого.

Их дыхание уже давно слилось воедино. Слегка смутившись, он приподнял ладони, оправдываясь:

— Я стирал вещи с кондиционером. Видимо, въелось в кожу.

Его руки замерли на уровне их груди. Сатору опустил взгляд на его пальцы, кончики которых слегка покраснели от теплой воды.

— Ну ты и неженка, — усмехнулся Сатору. Он имел в виду лишь то, что на теле друга легко оставались следы — как тот след от укуса на запястье, оставленный им на яхте, который не проходил почти неделю.

Однако Сугуру истолковал фразу по-своему, и его лицо мгновенно залило краской. Он порывался съязвить в ответ, но вовремя прикусил язык. Действительно, у Сатору ведь была «Безграничность» — на нем в принципе не бывало ни ссадин, ни синяков, даже после самых жестких спаррингов. Никаких следов. Никогда.

"Фарфоровый мальчик", — мысленно хмыкнул Сугуру и, решив перевести разговор на нейтральные рельсы, спросил:

— Так о чем ты хотел поговорить?

— А, точно, — Сатору смутился — редкое для него зрелище. Спесь с него слетела. Белые ресницы часто затрепетали, взгляд заметался по углам балкона, а в следующий миг он бесцеремонно приподнял край футболки Сугуру.

— Какого цвета на тебе сегодня трусы? Я видел на сушилке белые, — как ни в чем не бывало поинтересовался Сатору. Он подцепил пальцем пояс свободных домашних штанов, сползших на бедра Сугуру, и слегка потянул вниз. Взгляду открылась четкая рельефная линия живота, уходящая под резинку белых боксеров.

На самом краю ткани красовалась уморительная черная кошачья мордочка.

Сугуру застыл, лишившись дара речи.

Вопрос про трусы... Лучше бы они продолжили спорить о кондиционере для белья! Сатору в своем репертуаре.

— О, тоже белые! Какое совпадение! — Сатору удивленно округлил глаза и весело протянул, свободной рукой оттягивая резинку собственных домашних штанов: — Смотри, Сугуру, на мне сегодня точно такие же, с котиком! Те самые, что мы вместе покупали!

Он совершенно не видел в своем поведении ничего предосудительного. Одной рукой он все еще придерживал футболку друга, а сам сиял счастливой улыбкой.

Сатору, избалованный наследник великого клана, обладал безупречной молочно-белой кожей. Обычно он одевался с иголки и, несмотря на всю свою эксцентричность, никогда не оголялся на людях — разве что рукава рубашки засучит. Если не считать той хмельной ночи на яхте, его подтянутый торс и белизну кожи никто не видел. Сейчас же, приоткрытый взгляду Сугуру, он казался настолько светлым, что буквально слепил глаза в полумраке балкона.

Сугуру чувствовал, что ситуация окончательно катится в какую-то абсурдную бездну. И все же его взгляд невольно скользнул вслед за чужими пальцами. На резинке трусов Сатору красовался точно такой же кот, только с поднятой розовой лапкой.

"Какой белый... кот... То есть нет, тьфу!" — Сугуру изо всех сил старался держать себя в руках, хотя внутри у него все уже плавилось от стыда.

Какой нормальный парень станет зажимать друга на балконе, чтобы похвастаться трусами?! У Сатору крыша поехала? Спарринга захотелось?

— Сатору, — Сугуру поспешно натянул футболку обратно. Он уже собирался предложить этому бездельнику пойти размяться на тренировочной площадке, как вдруг снаружи глухо грохнуло.

На дворе стоял май. Весеннее тепло уступало место душному преддверию лета, когда грозы заявляют о себе ленивым, ворчливым рокотом. До оглушительных июльских раскатов было еще далеко.

Гром прервал его на полуслове. Сугуру глянул поверх плеча Сатору на окно: по стеклу поползли первые тяжелые капли. Шум нарастающей бури за окном словно отделил их от остального мира, сделав крошечный балкон островком абсолютной тишины. Сугуру невольно улыбнулся и тихо произнес:

— Дождь пошел.

— Угу, — Сатору даже не обернулся. Его сияющие глаза были прикованы исключительно к лицу друга. Он мягко улыбнулся и вкрадчиво спросил:

— Сугуру, поцелуемся?

Сугуру резко вскинул голову. Сердце совершило кульбит и заколотилось в горле. Сатору не шутил — в глубине его бездонных глаз читалась абсолютная, обезоруживающая серьезность. Он действительно звал его.

Пульс, который только-только пришел в норму, снова взлетел до предела. О чем только думает этот сумасшедший? Пытаясь скрыть панику, Сугуру густо покраснел и пробормотал:

— Ты что, перегрелся, пока к экзаменам готовился?

Он потянулся ладонью к чужому лбу, проверяя, нет ли жара.

— Чего?! — Сатору, который на самом деле тоже смущался, обиженно надулся: — С чего это вдруг? Мне вообще готовиться не надо, я гений!

— Тогда откуда этот бред? У тебя точно лихорадка!

Они мгновенно скатились в привычную детскую перепалку.

— Ты кого тут недооцениваешь?! — вспыхнул белобрысый, но тут же отвел взгляд в сторону и тихо, сконфуженно проворчал: — Просто... после того поцелуя у тебя было такое милое лицо. Хочу увидеть его еще раз.

— С-сам ты милый... — от такого прямолинейного признания Сугуру окончательно растерялся и заикался как мальчишка.

Снова рокот грома, дождь хлынул сильнее. Влажные брызги залетали в приоткрытую створку, оседая прохладной росой на их плечах, но ни один не обратил на это внимания.

Услышав робкое бормотание друга, Сатору расплылся в довольной ухмылке:

— А хочешь почаще видеть меня милым? Я не против поделиться с тобой поцелуем, Сугуру.

Его глаза сощурились в очаровательные полумесяцы. Сугуру на миг потерял волю, готовый безвольно кивнуть, как вдруг из комнаты за их спинами донеслись голоса трех нерадивых учеников.

Харе:

— Ой, там что, дождь?

Дэндзи:

— Ха! Хорошо, что я снял белье перед уходом! Каков же я гений!

Пауэр:

— Гроза, что ли? Терпеть не могу гром!

Для этой троицы любой шорох извне служил идеальным поводом забросить учебу. Заставь их зубрить — они лучше пойдут считать муравьев на улице.

Сугуру мгновенно протрезвел от нахлынувших чувств и быстро мотнул головой:

— Нет... ребята там. Вдруг увидят...

Хотя губы Сатору так и манили к себе.

Полувив отказ, молодой господин Годжо недовольно надул губы:

—... Дурацкая челка!

Сугуру промолчал.

— Жадина! — не унимался тот.

Этот капризный вид до того умилял, что Сугуру не выдержал и мягко, с затаенной нежностью вздохнул:

— Ну все, Сатору, прекрати.

— Ладно-ладно, — буркнул тот, не собираясь всерьез обижаться.

Сатору заглянул сквозь стекло в комнату. Троица уныло горбилась над журнальным столиком, усердно переписывая конспекты. Черноволосый Харе выглядел прилежнее всех; когда он склонял голову, в его профиле проскальзывало мимолетное сходство с самим Сугуру.

Вот только сквозь Шесть Глаз Сатору отчетливо видел зловещие нити темно-фиолетовой, удушающей проклятой энергии, плотным коконом обвивающие тело подростка.

Он отвел взгляд и негромко спросил:

— Ты заметил?

Сугуру сразу все понял:

— Ты про Харе?

Сатору молча кивнул. Сугуру тяжело вздохнул:

— Мое зрение не такое чуткое, как твое, но...

Остатки чужой ауры на месте недавней кражи и тот пацан-проклинатель, которого они встретили в префектуре Канадзава... Сугуру чувствовал это интуитивно. Проклятая энергия Харе с каждым днем становилась все ближе к тому зловещему следу. Особенно после его возвращения.

Глаза Сатору никогда не лгали.

На балконе повисло молчание, нарушаемое лишь монотонным стуком капель по листе.

Спустя минуту Сугуру поежился от косых струй дождя и отстранился:

— Надо закрыть окно...

— Погоди, — Сатору уперся ладонью в его плечо, удерживая у стены.

С широкой улыбкой он нежно заправил прядь отросших волос за ухо Сугуру, после чего полез в карман:

— У меня для тебя кое-что есть.

Порывшись в карманах, он извлек пару резинок для волос — простые черные шнурки, украшенные гранеными синими бусинами, сияющими подобно сапфирам. Собственно, Сатору потому и наклонялся у входа, что случайно выронил их на пол.

— Резинки? — Сугуру взял одну. Его волосы как раз высохли, так что подарок пришелся кстати. Сбрав пряди пальцами, он принялся завязывать их:

— С чего вдруг?

— Ты ведь потерял свою, когда мы были на яхте. Считай это компенсацией, — ухмыльнулся Сатору, нацепив вторую резинку себе на запястье.

Сугуру молча собрал волосы в привычный аккуратный пучок на затылке. Яркая синяя бусина тускло блеснула среди темных прядей. Ему удивительно шло.

Опустив руки, он поправил воротник, а затем вдруг резко подался вперед и коснулся губами уголка рта Сатору. Легкий, невесомый поцелуй — мимолетный, словно касание крыла бабочки. Сугуру отпрянул так быстро, словно растворился в воздухе, безумно робея.

—... Ответный жест, — прошептал он так тихо, что звук потонул в шуме ливня.

Дождь хлынул сплошной стеной. Вода заливала стекло, превращая балкон в замкнутую капсулу. Сумерки сгустились, напоминая кадры из фильмов-катастроф перед концом света. И в этом предгрозовом полумраке сошедший на землю бог впервые познал вкус земной нежности.

На душе у него стало непривычно тепло и щемяще-сыро.

<http://bllate.org/book/19043/1986991>